Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2020. Москвин «Обед прошёл легко и весело»

Обед прошел легко, весело, и Софья Васильевна была рада этому: пусть Михаил так и уедет — последнее воспоминание всегда живуче.

Но не весь день был такой. После затянувшегося обеда Витю уложили спать, прилег и Всеволод, свесив большие ноги за край дивана, Лиза пошла на почту купить для отца конвертов на дорогу.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Михаил. — Все в отсутствии.

Пойдем — ка ко мне.

Он принес из передней в свой кабинет припрятанные свертки и развернул их. Книга в синем переплете с серебряной надписью «Седов», отрез темно — синей шелковой материи и маленькие желтые ботинки.

— Понимаешь, тут без меня будут дни рождения, и ребятам важно, чтобы и от отца тоже… Ну, а это тебе, — он показал на шелк, — к тридцатому сентября.

Только Софья Васильевна, зная отвращение мужа к покупкам, к магазинной толкотне, могла оценить это. А тут было даже большее: по военному времени следовало еще раздобыть ордера, не забыть промтоварные «единички»… Блестя глазами, она обняла его и поцеловала, приговаривая: «Смотри, не забыл! Не забыл!» Чтобы сделать ему приятное, все рассмотрела отдельно, а материю даже приложила к себе, похвалила. Ботинки для Вити ей показались велики, но она тотчас успокоила Михаила: это не страшно — нога вырастет.

— Погоди! Зачем ей вырастать? — Он остановил ее. — То есть она должна вырасти, но ты меня не поняла… Это к Витиному дню рождения, к маю. Чуть не год еще! Тогда дашь ему — и будет как раз по ноге.

И это было трогательно: предусмотрел… Но она поняла и другое: сейчас август, значит, Михаила не будет и в мае. Как долго!.. Слезы подступили к глазам, и она, будто рассматривая подкладку на желтеньких ботинках, склонилась над ними. Он понял все, но ничего не сказал. С минуту они стояли молча друг против друга, оба одного роста, но Софья Васильевна, как

женщина, казалась выше.

— Ничего, Сонечка, ничего! — Он привлек ее к себе, и ботинок в ее руках чуть уперся ему в грудь. — Ехать надо. — Он поцеловал ее в склоненную голову. — Должен ехать… Все ведь так!.. Ну, а будет все хорошо. Война теперь уже легче — фашистов погнали. Ты ботинки спрячь, — может, я и сам Вите их подарю.

…Милый! Успокаивал… Нет, дарила сыну она — еще в марте пришло извещение…

Потом был вокзал, вагоны, неверный, раскачивающийся вокзальный свет. И последним видением — Михаил в мешковатой для него военной форме, стоящий на площадке, и Сева с протянутой бутылкой нарзана, шагающий за тронувшимся уже вагоном.

И, когда вернулась домой, первым чувством было: дети остались одни, без отца…

Так и было. Дети подросли, а от Михаила только одно: «Без вести»…

У Лизы об отце были короткие, разрозненные воспоминания детства.

Память приносила то одно, то другое: елка в Доме союзов, большой, необыкновенный гриб, найденный вместе, отец за микроскопом, а она подсовывает ему школьную задачку, или в отсутствие мамы они что-то готовят на кухне…

Она видела отцов своих подруг. У Светланы был замкнутый, неразговорчивый и, наверное, решительный, строгий отец — Светлана его побаивалась. У Вари — шумный, веселый, все спорилось у него в руках: чинил дома электрические плитки, лихо красил забор на даче, ходил бойко, нараспашку.

У нее же был совсем другой отец. Все, что порознь Лиза помнила о нем, сливалось в общее чувство: добрый и неумелый. Со слов матери она знала, что отца ценили на работе, по в малом было другое: на елке в Доме союзов отец подарок для Лизы прозевал, маляры и монтеры ему грубили, плиток и замков не чинил. Нет, на Вариного папу он совсем не был похож. А как они однажды стряпали с ним! Мама ушла с Витей в Сокольники на целый день и

оставила инструкцию об обеде. И все же был чад от пригоревших макарон и сквозь чад мелкое — словно грызут семечки — потрескивание эмали в сухой, накаленной кастрюле. «Эх, что-то мы ничего не умеем!» — сказала Лиза. Она взяла вину на себя: ей было тогда одиннадцать лет, пора бы уже уметь. Но отец не принял ее великодушия. «Это все, Лизок, оттого, — сказал он, — что на настоящей военной службе я не был,
всего — навсего призывался на переподготовку. А настоящая, говорят, для житейских дел просто университет. Уж если, например, солдат пуговицу пришьет — волк не отгрызет…» И все же он, конечно, был лучше тех, с плитками, с заборами, с пуговицами. Он был добрый, она любила его, и, главное, он был не чей — то, а ее.

И не чей — то, а ее уехал. Походил с провожающими по платформе, поулыбался, как — то незаметно попрощался — и уже в вагоне на площадке… Поезд трогается, она и мама идут следом, догоняет дядя Сева с протянутой темной бутылкой, киоск, фонарь, косой свет, на миг его взгляд поверх очков — опять косой свет.